

РЕЦЕНЗЕНТЫ давно установили: зритель бывает взыскательный и равнодушный, чуткий и холодный, восторженный и неподготовленный. Но они как-то не замечают, что зритель все чаще и чаще становится беспощадным.

— Неинтересно! — говорит он после спектакля.

И пусть иные критики взахлеб хвалят идеи, образы, язык, стиль, открытия и находки пьесы и спектакля — зритель предостерегает всех родных, близких, знакомых: «Не ходите, это неинтересно».

Начинается то, что на языке театральных деятелей называется устной рекламой. И все. Можно кончат представление. Зрители на спектакль не пойдут, и все его достоинства останутся втуне, потому что демонстрируются они в полупустом зале, если не считать критиков. Но критики сборов не делают, они смотрят спектакли бесплатно.

А как поднять сборы — это давно известно. Старые театралы рассказывают, что священник из соседней с театром церкви жаловался как-то антрепренеру Коршу: не ходят в храм православные.

— Надо, батюшка, почаще репертуар менять, — сказал Корш.

Служитель божьего храма, естественно, не мог обновить репертуар, а вот в храме искусства — театре он должен обновляться.

Существовала когда-то традиция — начинать новый сезон новым спектаклем. Но вот уже октябрь в разгаре, а где они, новые московские премьеры? Правда, МХАТ показал новинку — «Без вины виноватые», а Малый театр — «Мадам Бовари». Пьесу А. Арбузова «Вас где-то ждут», показанную на сцене Малого, неожиданно тоже не назовешь — ее премьеры уже состоялась на сцене Театра имени Маяковского. А симпатичных «Коллег» можно увидеть и в Малом, и в Театре имени Гоголя, и в любом кинематографе...

Да простит мне Мельпомена это кощунство, но мне кажется, что во многих храмах искусства, причем самых прославленных, самых академических, годами не меняется репертуар. Десятилетиями, как божественные литургии, идут обветшалые спектакли.

Объявил о новых постановках МХАТ — готовится на его сцене «Егор Булычов и другие», «Бронепоезд 14-69», «Платон Кречет». Безразлично уважение зрителей к М. Горькому, Вс Иванову, А. Корнейчуку. На их произведениях воспитывались поколения совет-

ских людей. Нет никакого сомнения, что и сейчас их пьесы не потеряли своей силы, что поставленные ярко, театрально, современно они сохраняют всеобщую любовь. Вырос новый зритель, и он должен видеть нашу советскую классику. Но почему на подмостки лучшего театра наших дней должны выйти преимущественно герои двадцатых, тридцатых годов — разве в шестидесятых они перевелись? Их славы дела у нас перед глазами, но почему-то на сценах они крайне редко попадают к нам на глаза. Давно заметили современники такое пренебрежительное отношение театров к себе и отвечают им тем же — перестают ходить в театры.

Правда, не во все! За несколько кварталов до любого театра, где идут злободневные современные пьесы и даже старые, поставленные по-новому, люди останавливают каждого прохожего: «Нет ли лишнего билета?»... Опытные кассиры театральных касс такне билеты не продают без нагрузки. Вы хотите попасть в театр Вахтангова, имени Моссовета, в «Современник»? Возьмите еще два билета... в какой-нибудь другой театр. Но зрителю не нужны «еще два билета». Не потому ли многие кассиры из храмов Мельпомены переходят в систему Министерства торговли?

В объединенных театрально-зрелищных кассах переполох. За сентябрь из каждой сотни билетов, предназначенных для продажи, кассами возвращено: МХАТУ — 34, Малому — 29, Театру имени Пушкина — 34 билета. А самое драматическое положение в Московском драматическом театре — ему возвращено 50 билетов из ста!

Знаю наизусть все, что скажут театральные деятели. Они скажут, что сентябрь всегда по сборам слаб, что многие театралы еще в отпуске, что погода нынче звала по грибы, за город, на дачу... Но почему же тогда в другие театры билеты в любую погоду достать трудно? Не только потому, что здесь нет-нет да и мелькнет так называемый «насовый» спектакль. А потому, что здесь идут спектакли, о которых зритель никогда не скажет — неинтересно! Иногда он здесь бранится, спорит, пишет гневные письма после спектаклей в газеты и журналы. Но он идет сюда потому, что здесь ведут большой и порой спорный разговор о современности, который не может оставить равнодушным сегодняшнего зрителя.

Театр — трибуна, но разве у

настоящего оратора бывают равнодушные слушатели? Нет, они бросают реплики, то и дело прерывают его речь аплодисментами, смехом и оживлением в зале. И надо понять, что в театре, если он хочет быть трибуной настоящей, нужна большая, яркая мысль — не такая, чтобы услышал и забыл, а такая, которую надо угадать, открыть самостоятельно. В ходе действия дозарезу нужен веселый смех, нужен и высокий трагизм.

Хорошо, что с наших сцен ушла слезливая мелодрама. Но даже самые талантливые наши драматурги порой не могут обойтись без семейных конфликтов. Случается, что под видом семейного конфликта преподносят банальную дешевку. Но стоит ли ругать все пьесы, в которых есть семейные конфликты? Известно со времен Л. Толстого, что все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья — несчастлива по-своему. Исследуя семейные драмы, такие разные драматурги, как Розов, Арбузов, Софронов, Алешин, не раз показывали, что в семье — первой ячейке государства — поразному идет борьба за счастье, за лучшее в человеке, за честь, достоинство, преобразование человека. А критики все еще продолжают обличать всякого, кто посмеет заглянуть в «узкий семейный мирок» или изобразить «любовные переживания». Но ведь когда-то им были очень интересны события в семьях Карениных, Яровых, Забелиных, Турбиных, Войничких, Раневских, показанных на сцене МХАТ. Вдумайтесь, товарищи, ведь все это в сущности герои семейно-бытовых пьес. Но какие герои! В их судьбе, в их битве за счастье отразился весь век, его мораль, его душевные терзания и классовые столкновения! А что оставили в душе зрителей некоторые спектакли-парады времен культа личности, когда в примитивном митинговом шуме и гаме невозможно было разглядеть ни одного умного рядового советского человека? Это была романтика для чиновников! А романтика подлинно революционная — это всегда живые люди, живые характеры: Чапаев, Вершинин, Полежаев.

И сейчас, после июньского Пленума ЦК КПСС, который всю идеологическую работу партии поставил на службу простому человеку, подъему его культуры и гражданского самосознания, человек должен выйти на первый план со всеми его думами, чувствами, страстями.

Я был свидетелем обсуждения спектакля «Коллеги» в одном областном театре. Кто-то сказал: нельзя сельскую больницу показывать неблагоустроенной. В жизни так не бывает. Тогда начальник областного управления по делам искусств — бывший секретарь райкома — дал справку — есть еще в области районы, где даже в районах рентгеновского аппарата нет.

Иные редакторы или критики не только законов драмы — жизни не знают и газет не читают. «Известия» недавно рассказали, с каким трудом на Алма-Атинской киностудии был запущен сценарий фильма, в котором девушку по древнему обычаю похищают. «В жизни так не бывает», — ярились редакторы. Фильм все-таки был запущен в производство. И в момент, когда начался съемки, актрису Райхан Ашинову, исполнительницу главной роли..., похитил бравый жених из Ташкента. Теперь уже надо снимать и фильм, и режиссерских редакторов с формулировкой: за трусость, за идейное и эмоциональное разоружение нашего боевого искусства.

Театры спасают положение очень своеобразно. По статистике Министерства культуры СССР, каждый театр ставит семь-восемь спектаклей в год, а дает 1,9 спектакля каждый день. Причем на Украине даже по 2,3 а в Литве и Белоруссии — 2,2 спектакля ежедневно. Что это значит? А это значит, что у театров полупустые залы и, чтобы собрать зрителей, они дают спектакли в двух, а то и трех залах ежедневно, деля группу на части, ставя облегченные пьесы, торопясь с выпуском спектаклей...

У театров с дотацией своя болезнь. Зачем им рисковать, искать новых драматургов, работать с ними, ставить острые пьесы, неутомимо искать интересное, современное, злободневное! Они — уже храмы, а в храмах, как известно, репертуар не меняется. И мне думается, пришла пора оставить их наедине со зрителями. Пусть их мастиность проявляется в новых талантливых спектаклях, в борьбе за зрителей, которые всегда проголосуют за подлинное искусство самым веским доказательством своей любви — посещением театра.

В. СУХАРЕВИЧ.

«Известия» 1963
10 октября